

— Это для скотины, — Лю Яоцин по-прежнему улыбался.

— Как ты разговариваешь?

Это было равносильно тому, чтобы назвать Лю Цюаньфу скотом. В последние дни Лю Яоцин вел себя так, словно весь покрылся колючками, что доставляло Лю Цюаньфу дискомфорт и внутри, и снаружи. Сяо Бао и младшая Ли-ши тоже пострадали, и в глазах Лю Цюаньфу всё это было виной Лю Яоцина. Он поднял руку, собираясь дать Лю Яоцину пощечину.

— Хватит! — внезапно крикнул старик Лю.

Обычно, как бы ни ссорились в доме, в итоге одна сторона всегда оставалась в убытке, и всё успокаивалось. Раньше Лю Цюаньфу, пользуясь своим положением старшего в семье, воспитывал детей и даже бил их, но ничего серьезного не происходило. Однако на этот раз старик Лю почувствовал, что если позволить Лю Цюаньфу ударить Лю Яоцина, то в доме не будет покоя.

Говорят, что с возрастом человек становится мудрее. Семья старшего сына не заметила, что Лю Яоцин изменился и стал не таким уж простым, но старик Лю уже осознал это.

Он не только остановил Лю Цюаньфу, но и, к удивлению всех, стал доброжелательным с Лю Яоцином, сказав:

— Твой дядя такой, какой есть, не обращай на него внимания.

Лю Яоцин скривил губы, но ничего не ответил.

Он был младшим в семье, и постоянно спорить с представителями старшего поколения было нехорошо. К тому же он не хотел тратить слова, ведь от этого он ничего не терял.

Однако, увидев, как Син-гэ соглашается со словами старика Лю, Лю Яоцин после еды вернулся в комнату и сказал:

— Син-гэ, ты не думай, что дед прав. Дядя — настоящий наглец, он не только жадный, но и хочет меня ударить. Это неправильно, и мы должны сопротивляться. Если следовать словам деда, то дядя может быть ленивым и бить детей, и это будет правильно?! А если однажды он случайно убьет ребенка, то дед скажет: «Он просто такой человек»? Я думаю, что тогда ямэнь арестует его и посадит в тюрьму, и дед не сможет сказать то же самое ямэнь. Разве чиновники его послушают?

Щенок был заперт в комнате Лю Яоцина. Ли-ши помогла приготовить немного каши из проса, полила её куриным бульоном, и щенок с аппетитом ел.

Син-гэ, присев, гладил шерсть щенка, подумал и сказал:

— Ты прав, Цин-гэр. Дед, наверное, просто хочет сохранить мир и заставляет нас терпеть. Но зачем нам терпеть?

— Хорошо, что ты так думаешь, — сказал Лю Яоцин, увидев, что щенок закончил есть.

Он взял его на кровать и, держа за нос, заставил щенка смотреть на его палец, как будто тот косил глаза.

У края кровати стояла старая корзина, накрытая тряпкой, — это было гнездо щенка.

В эту ночь Лю Яоцин спал беспокойно. Ли-ши, беспокоясь, посреди ночи пришла проверить его и, убедившись, что у него нет температуры, вздохнула с облегчением. Однако Лю Яоцин увидел сон, который чуть не разрушил его представление о мире.

Он оказался в знакомой палате, в знакомом дворе, где виноградная лоза висела с редкими гроздьями, которые долго не созревали. Его старший брат, как всегда, с бесстрастным лицом, хотя ему было всего за тридцать, уже начал седеть. Младший брат выглядел так, будто постарел на десять лет.

Лю Яоцин стоял в стороне, наблюдая, как братья разговаривают. Они говорили, что родители находятся в больнице, и с тех пор, как он ушел, семья словно потеряла всю свою жизненную силу.

На этот раз старший брат, собравшись с силами, привел даоса, обладающего аурой бессмертного, в комнату, где Лю Яоцин когда-то лечился. Младший брат нес двух щенков, опустив голову, и следовал за ними.

— Ваша семья готова пожертвовать огромным состоянием, столетием жизни, десятью годами удачи и годом аскетизма, чтобы я отправил этих двух щенков к вам. Также есть кое-что еще...

— Даос посмотрел на Лю Яоцина, словно знал, что он там, и взмахнул своим хвостом из конского волоса. Лю Яоцин почувствовал, как его тело стало тяжелым.

В ушах будто бы звучал голос даоса:

— Больше не возвращайся.

В голове было туманно. Лю Яоцин видел, как его родители перестали посещать светские мероприятия и ушли в горный храм; старший брат быстро старел; младший брат сталкивался с неудачами на каждом шагу, но радостно улыбался, говоря, что его второй брат должен жить хорошо.

За год его семья перестала существовать.

Глаза Лю Яоцина опухли, слезы текли ручьем. Он прикрыл рот, чтобы не закричать. Он думал, что его смерть принесет облегчение семье, но не ожидал, что они готовы пожертвовать стольким ради него.

С детства он был слабым, обузой для всей семьи. Чем он заслужил такое отношение?

— Семья Лю переживает тысячелетний кризис, и только этот метод может его разрешить.

— Мир знает, что семья Лю — тысячелетний род, но не знает о её перерождении.

— Лю Яоцин, ты — ключ, управляющий перерождением.

Голоса в голове становились все тише и тише, пока не исчезли. Наконец, голос даоса в сознании Лю Яоцина стал едва слышен.

Он наконец смутно вспомнил, как в детстве даос приходил к ним домой и, кивнув, сказал:

— Это он.

Он всегда думал, что просто слаб от природы, не может встать с постели, выйти на улицу, целыми днями общается с врачами, живет в лучшем санатории и может лишь смотреть на мир

через окно, радуясь, когда пролетит птица.

Но оказалось, что он был обречен на смерть.

Неудивительно, что, проснувшись, он оказался в таком отсталом месте, с фамилией Лю и именем Лю Яоцин.

Он смутно понимал, что пытались донести его родные, но чувствовал, что это слишком большая ответственность. Как он один сможет обеспечить продолжение семьи Лю на тысячу лет?!

Сейчас он едва мог защитить себя!

— Цин-гэр, Цин-гэр...

Ли-ши была в панике. Рано утром она занялась домашними делами, но, беспокоясь о Лю Яоцине, зашла проверить его и увидела, что он лежит неподвижно, слезы текут ручьем, а глаза опухли, как грецкие орехи.

Вернувшись в сознание, Лю Яоцин медленно открыл глаза и, увидев встревоженную Ли-ши, прошептал:

— Мама.

— О, ты проснулся. Тебе плохо? Может, снова позовем врача? — Ли-ши, обычно экономная, в этот момент не жалела денег и уже собиралась пойти за серебром.

Лю Яоцин поспешно остановил её, вытер глаза, оделся и, спустившись с кровати, улыбнулся:

— Просто приснился кошмар, на самом деле всё в порядке. Мама, я хочу горячей каши.

Ли-ши внимательно посмотрела на него, убедилась, что всё в порядке, и, улыбнувшись, быстро сказала:

— Хорошо, мама еще поджарит кроличьи фрикадельки, никто больше не получит, только Цин-гэр.

— Хорошо, — кивнул Лю Яоцин.

Щенок тоже проснулся, вылез из гнезда, перебежал через порог и, опустив нос, побежал по двору, пока не нашел огород, где начал копать лапами ямку.

Лю Яоцин следовал за ним и наблюдал, как щенок, присев, справил нужду, а затем закопал ямку.

Когда щенок побежал обратно, Лю Яоцин схватил его за шею и, подняв, посмотрел в его черные глаза:

— Чем же ты отличаешься?

Щенок, наклонив голову, смотрел на Лю Яоцина, виляя пушистым хвостом.

— Ладно, — Лю Яоцин не верил, что щенок может с ним общаться. Если бы он говорил, это был бы, наверное, дух собаки.

После еды Лю Цюаньцзинь, как обычно, взял мотыгу и отправился работать в поле. Лю Цюаньфу тоже вышел из дома, неизвестно куда. Младшая Ли-ши, пробежавшая вчера полночь в туалет, сегодня ничего не ела, а Сяо Бао уже поправился и ел с аппетитом.

— Цин-гэр, пойдем погуляем? — Юй-гэр, жуя дикие финики, которые собрал вчера, подбежал к нему.

— Хорошо, — подумав, кивнул Лю Яоцин, наклонился, поднял щенка, крутившегося у его ног, и вышел из дома.

На улице было всё так же, как вчера. Лю Яоцин без труда нашел дорогу.

— Цин-гэр, твой дядя снова пошел пить с Хромым Лаем, — крикнул доброжелательный сосед, увидев Лю Яоцина.

— Знаю, у него есть деньги, пусть пьет, — улыбнулся Лю Яоцин.

Если Лю Цюаньфу сам может позволить себе выпивку и не создает проблем для третьей ветви семьи, то пусть пьет сколько хочет.

Дойдя до первого дома в деревне, он случайно встретил Чжэцзы-гэ, который нес на спине корзину, а на поясе — лук и стрелы, видимо, собираясь выйти. Погода была хорошая, не холодно и не жарко, дикие куры и зайцы в горах как раз набирали жир, и было время для охоты.

<http://bllate.org/book/16688/1531689>